

**Категория элиты:
к семантике понятия в Российской истории
«короткого» XXI и «долгого» XIX столетий**

П. А. Ольхов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
308015, ул. Победы, д. 85, Белгород
E-mail: olkhov@bsu.edu.ru

Аннотация. Понятие элиты является весьма распространенным в академической речи постсоветской России. В статье предлагаются результаты исследования истории этого понятия – сравнительный анализ его смысловой уместности в социальных (по преимуществу, исторических) науках 2000-2010-х. Обосновывается, что «элита» является специфической абстракцией высокого порядка, не имеющей прямых аналогов в истории исторической науки России; весьма насыщенное в семантическом отношении, она близка понятиям естественного языка. Представляя постсоветские настроения в российской интеллектуальной культуре, это понятие позволяет выявить ее метасоциальные и эпистемологические стремления к новым познавательным практикам и понятийным формам, отличным от привычных, ориентированных на марксистский историзм. Уточняются этико-экзистенциальные особенности русской мысли XIX столетия – века расцвета русского исторического самосознания, – не позволившие концептуализировать *l'élite*, слово живой французской речи, непрерывной в литературно-историческом пространстве российского общества того времени. Специальное внимание уделяется смысловым установкам нормативного языка Н.М. Карамзина и А.С. Лаппо-Данилевского, методологически полярных русских историков.

Ключевые слова: элита, российское историческое самосознание, история понятия, долгий XIX век, Н.М. Карамзин, А.С. Лаппо-Данилевский

Copyright: © 2020 Ольхов, П. А. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять

эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

**Thinking about elite:
Some Personal and Epistemological Meanings of the
Concept in Russian History of the “Short” Twenty First
and “Long” Nineteenth Centuries**

P. A. Olkhov

Belgorod National Research University
308015, Pobedy st. 85, Belgorod, Russia
E-mail: olkhov@bsu.edu.ru

Abstract. The concept of elite is very common in the academic speech of Post-Soviet Russia. The article proves that the “elite” is a specific abstraction of a high order in the social (mostly historical) sciences of the 2000-2010s and has no direct analogues in the history of Russian thought. It is then semantically saturated word, representing Post-Soviet crossroads in Russian intellectual culture. The concept of elite eventually reveals to differ metasocial and epistemological aspirations of the Post-Soviet cognitive practices and speech forms from “old mole” of historicism. But not only: a study of the materials of the “golden age” of historical thinking preceding the Soviet era does not confirm any conceptual presence the “elite” in any kind of semantic field of social and historical research of that “long” 19th century. Some ethical and existential constellations of Russian thought of that time do not apparently give this word a blessed dignity or conceptually transformed it in the various speech practices. This is substantiated through the semantics of methodologically polar N.M. Karamzin and A.S. Lappo-Danilevsky’ languages in the dialogical contexts of “short” 21th and “long” 19th centuries.

Keywords: elite, Russian historical self-awareness, the history of the concept, long 19th century, N.M. Karamzin, A.S. Lappo-Danilevsky

Polonius: What do you read, my lord?

Hamlet: Words, words, words.

...Laertes: This nothing’s more than matter.

W. Shakespear
e Hamlet II, 2; IV, 5
(Shakespeare 1996, p.
808, 822)

Понятие элиты, латинское в своем корне и заимствованное из французского речевого опыта, стало философским *bon mot* в академической речи постсоветской России. Семантическая вескость, придаваемая теперь этому понятию, такова, что его вполне можно признать новым посредником российского исторического самосознания – специфической абстракцией высокого порядка, представляющей интеллектуальные настроения постсоветской эпохи¹. В элитологическом энтузиазме, которым оказались охвачены многие российские интеллектуалы 1990-х – 2000-х гг., дает себя знать познавательный порыв к новому метасоциальному пониманию – отличному от привычных марксистских схем, которое, между прочим, позволяет поставить под познавательный контроль и новую политическую реальность постсоветской России.

Новизна этого понятия в российской истории отнюдь не абсолютна. Обновляются установки западной (на обветшавшем языке советских идеологов – «буржуазной») политической мысли XX в. – Г. Моски, В. Парето, С. Московичи, Ч. Милса, К. Лэша и других, трактовавших властвующие социальные группы в связи с переосмыслением условий некоего общего баланса общественной жизни, практик социального управления и т.д.². В качестве некоего основания нового политического мышления, альтернативного марксистскому, но и не чуждого ему по некоторой общей практической устремленности, принимается метасоциальная *дихотомия «элита-масса»*. Вытесняя привычную философию социальной массы как классово и партийно структурируемой реальности – диалектического источника политической заботы и политического активизма³, вновь принимаемое

¹ П. А. Карабущенко с некоторой эмоциональной чрезмерностью замечает, что «именно Россия 90-х годов XX века стала родиной самой элитологии» (Карабущенко 1999).

² Основным источником в русскоязычной, по преимуществу, элитологии 90-х гг. были труды Г. К. Ашина, который еще в 1985 году опубликовал критический очерк «буржуазных» теорий элит (Ашин 1985). Впрочем, верно и то, что общие, отнюдь не буржуазные настроения, которые способствовали появлению элитологических исследований на Западе к середине XX в., тогда же замечены и в России. В 1959 году был издан перевод на русский язык социологически яркой книги «тайного марксиста» Ч. Р. Милса, которую, стало быть, читал не только Ф. Кастро, но и его советские современники (Милс 1959). Другая его известная книга, «Социологическое воображение», была переведена и дважды издана уже в атмосфере современного элитологического энтузиазма, в 1998 и 2013 гг. (см., напр: (Милс 2001). В 1990-2010 гг. издавались и другие переводы (Московичи 2011; Адорно, Московичи 2019; Лэш 2002 и др.).

³ Примечательно, что заметными, весьма дискутируемыми в кулуарах позднесоветской интеллектуальной истории (70-х – 80-х гг.) были работы Б. Ф. Поршнева, посвященные

основание позволяет мыслить властвующие группы как некоторую вновь познавательную исходную «вещь в себе». Исследуется «анатомия российской элиты» и «трансформация старой номенклатуры в новую элиту» (Крыштановская 1995, с. 52; Крыштановская 2005), «элитная доброкачественность» (Кургинян 1992), «консолидация» и «вечная схватка» элит (Мясников 1993), «конфликт элит и развал России» (Кургинян 2008), «элитология мифа» (Карабущенко 2008), «политический ритуал и мифы региональных элит» (Магомедов 1994), «вехи исторической эволюции элит» (Гаман-Голутвина 2006), элита как «субъект политики» (Пугачев 1991), «ответственность элит» и «человеческий капитал российских политических элит» (Григорьев 2009; Человеческий капитал... 2012; Элиты и общество... 2011) и др. Максимизация исследовательского внимания к элитам предполагает и некоторую этическую корректировку: тем самым уточняется нравственная содержательность политического действия властвующих групп и ограничивается внимание к политической и нравственной автономии масс. С общей метасоциальной дихотомией в ее элитологической проекции связываются и проекты по реконструкции властной элиты в России (Пляйс 2010; Гудков и др. 2007; Панарина 2006; Понеделков и др. 2012; Элиты и будущее... 2007).

В 2010-х гг. приумножились попытки семантико-типологического и стратифицирующего расширения понятия элиты – стали различимы элиты неформальные, «предпринимательско-управленческие» (Королёв 2012) интеллектуальные, религиозные, образовательные, творческие, «элитоориентированное мировоззрение личности» (Карабущенко Н. 2012) и «дефицит элитности в элитах» (Карабущенко П. 2012)⁴ и т.п. Между тем, концептуальные формы доверия к понятию элиты, его методологической эффективности до их пор не установились⁵; попытки расширения семантического поля этого

социальной психологии и истории «мы» и «они», их первично анонимной борьбе («я» и «ты» здесь вторично) – диалектике воли социальной массы (Поршнева 1979 и Поршнева 2013).

⁴ В цитируемом сборнике содержится своего рода инструментальный набор предикатов понятия элиты. Ср.: (Властные структуры ... 2012) и др. Систематические возможности для семантического анализа здесь предоставляет также уникальный энциклопедический словарь (Элитология... 2013).

⁵ Не произошло обстоятельной актуализации программ элитологических исследований – некоторого эпистемологически последовательного выбора или направленной систематизации теоретических вариантов элитологии, развившихся со времени В. Парето и Г. Моски и в общем виде описанных Г. К. Ашиным. «Элита» не входит в устойчивый, постоянный тезаурус социальных и политических понятий (Бусыгина, Захаров 2006; Бусыгина, Захаров 2009; Хархордин 2011; Скиннер 2018; Гидденс, Саттон 2018). Между тем, остается возможным доказывать, что «термин “элита” сам по себе содержит идеологически возвышенный, оценочный аспект» (Буренко 2010).

понятия упрочивают его актуальную историчность, но и, легко предположить, обесценивают его познавательное достоинство⁶.

Широко распространенное и референтное в современных российских политических исследованиях преимущественно конвенционально понятие элиты покамест не относится к числу методологически основных в практиках исторических исследований; можно говорить *не столько о его теоретической разработке и систематическом применении, сколько о некотором элитологическом стиле исторического мышления* – своего рода лингвоэпистемологических экспериментах, которые предпринимаются отдельными исследователями в области социальной (в том числе, экономической, политической) и интеллектуальной истории без особых методологических гарантий, на свой страх и риск. Таковы, например, опыты по выявлению «комсомольской элиты», «элиты русского зарубежья», «механизмов складывания элит» в архаическом и традиционном обществах, переопределение князя Димитрия Пожарского как «представителя военно-политической элиты Московского государства», Ближней думы царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича как «новой» элиты Московской Руси и т.п. (Ручкин Б. 2012; Ручкин А. 2012; Алексеев 2012; Володихин 2012; Талина 2012). Все эти концептуализации или эпистемологические конструкции *ad hoc* чреваты вопросами о познавательных последствиях: какие фактические перемены в историческом понимании влечет за собою предустановление в нем элиты как некоего общего понятия? *Семантическая многозначность понятия элиты*, его «всвременность» означает, прежде всего, *ограничение историзма предметной области исторического исследования* – демотивацию собственно исторического интереса к тому, что происходило в истории *in concreto* и выведение исторического исследования в плоскость метаистории, где исторические факты картографируются как семантически мелкомасштабные, схематизируются и умаляются их индивидуальные или личностно-событийные смыслы.

Возможны, конечно, и прямые затруднения с соблюдением исторической идентичности проводимого исследования – некоторые «перекося» в пользу историка, как будто навязывающего свое теоретическое видение тому, что происходило в прошлом. Но насколько дальновидно это видение? Не становится ли оно «кривым зеркалом» идентичности историка, не слишком усердствующего в том, чтобы отдать себе в отчет в собственных предпосылках? Что произойдет, скажем, если практикующий историк и в самом деле уверится в

⁶ В элитологических трудах Г. К. Ашина 2000-х годов с большей обстоятельностью уточняется познавательный статус понятия элиты как полисемантического и спорного в методологическом отношении (Ашин 2003; Ашин 2010). Развитие и аспектация понятия см.: (Гаман-Годутвина 2000; Понеделков, Старостин, Швец 2013; Старостин 2013; Старостин, Швец 2012; Криворученко 2012; Ашин и др. 2013) и др.

существовании «советских элит» в годы Великой Отечественной войны (Жукова 2012), – насколько близко это будет к самооценкам и целеполаганию людей того времени, мотивам их поведения и принимаемых решений? Не будет ли, к примеру, предположение об «элите русского народа» в годы Гражданской войны методологически легковесным, в пределе параисторическим философствованием насчет «воли судьбы» и т.п. (Алешкин 2012)? Не кажутся методологически строгими и попытки реконструировать «элитологию Платона» (Карабущенко 2020), заявлять о принадлежности А. С. Лаппо-Данилевского к интеллектуальной элите России конца XIX – первых десятилетий XX вв. (Васильев 2012); тем более неочевиден историзм целостной метаисторической элитологии (Евдокимов 2014; Карабущенко 2006; Карабущенко 2011).

В логико-эпистемологическом контексте разоблачения исторических универсалий как преимущественно речевых явлений, «нарративных субстанций» (Анкерсмит 2003, с. 140 и далее; Данто 2002, с. 11-24) и т. п., вновь появившаяся универсалия элиты – семантически веская и, одновременно, сверхтекучая, указывающая на различные доминантные социальные группы, переобобщающая мотивы их поведения в некоторое смысловое единство, – выглядит как некий внезапный теоретический архаизм, причуда либерализовавшегося исторического самосознания послесоветской России⁷. Но, между тем, всё меньше поводов для сомнения и всё больше потребность в осмыслении *актуальной историчности* понятия элиты. В уточнении нуждается его семантика как некоей не столько терминологической, сколько *речевой* универсалии, вольно или невольно проявившейся на рубеже XX–XXI вв., в эпоху общего кризиса исторических абстракций высоких порядков, «смерти» истории, эпистемологического кеносиса и этического поворота в историческом знании⁸. Вряд ли стоит пренебрегать шансом проверить это понятие в деле в наше время поисков новых форм исторического познания в смыслопорождающей речи историка.

⁷ Впрочем, без этого понятия вполне обходится теоретико-энциклопедическая навигация исторического и социального знания; см., напр.: (Бикбов 2014) – в качестве ключевых здесь устанавливаются понятия «средний класс», «демократия», «российская наука», «русская нация». Во втором томе «Словаря основных исторических понятий» вводится понятие «масса» (Словарь... 2014, с. 322–752), но отсутствует «элита». Нет этого понятия и в работах Р. Козеллека. Ср.: (Евдокимова 2011).

⁸ См. об этих тенденциях подробнее, например, (La Capra 1998, p. 180–210) (Conclusion: Psychoanalysis. Memory and the Ethical Tutn). Comp.: (The Ethics ... 2004; Мегилл 2010).

Уяснению смысловой перспективы этого понятия, думаю, вполне способствуют речевые практики исторического самосознания «золотого» для мировой и российской исторической науки XIX столетия⁹.

В истории российской исторической науки XIX-XX вв. понятия элиты нет. Между тем, *l'élite*, хорошо известное как исконное слово живой французской речи, является, надо полагать, общеупотребимым в речевом пространстве российского общества XIX столетия, когда французский язык был одним из общих условий *sine qua non* социальной и исторической идентичности. Трудно представить себе сколько-нибудь профессионального русского историка XIX в., который не владел бы французским языком, не знал бы выдающихся литературных памятников Франции или не обращался систематическим образом к историографическому опыту Франции, представленному в трудах А. Токвиля, Ж. Мишле, И. Тэна, Фюстеля де Куланжа и др., написанных на преимущественно естественном французском языке, в котором слово *l'élite* было жизненно активным¹⁰. И тем не менее, в русском историографическом языке царит целомудрие; историки воздерживаются заимствовать и применять это слово с каким бы то ни было терминологическим постоянством и отчетливостью. Более того, молчат и систематические контексты: вся русская словесность оказалась весьма устойчивой к этому слову еще в конце XVIII и первых десятилетиях XIX вв., когда французский стал основным, часто первым языком русского образования и повседневного общения, оказывал значительное влияние на формирование литературного языка, и затем, когда он оставался в своем праве ближайшего союзника русской речи (наряду с немецким) вплоть до эпохи радикального обновления всех сфер русской истории в 10-20-х гг. XX столетия¹¹.

Своего рода правило русского языка XIX столетия – язык А. С. Пушкина. Многочисленные исследования и кодексы пушкинского языка

⁹ Самым масштабным опытом обращения к историографии XIX в., в котором указывалось на важность эстетико-речевых и этических регулятивов в историческом знании, остается работа Х. Уайта, переведенная на русский язык (Уайт 2002). О поэтико-родовых началах исторической репрезентации в исторической науке XIX в. см., например, работу С. Бенна (Бенн 2011). Ситуативные исследования речевых начал в отечественной историографии XIX века см., например, (Ольхов 2011а; Эпистемологический стиль ... 2013) и др.

¹⁰ Благодаря усилиям М. Шенье, П. Ж. Беранже, и Ж.-Б. Боссюэ, Вольтера и графа де Сен-Симона, Ж. Расина, Ж. де Лафонтена, Л.-Ф. Сегюра и др. См., напр.: *Élite // Dictionnaire de français "Littré"*. URL: <https://www.littré.org/definition/%C3%A9lite> (дата обращения: 20.02.2020).

¹¹ Симптоматично игнорируют это слово уважаемые словари и авторитетные русские энциклопедии – от «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля до обстоятельного сборника «своего и чужого» в русской мысли речи М. И. Михельсона, энциклопедий Брокгауза и Ефрона, братьев Гранат и др.

не выявили никакого применения этого слова как заимствованного или транслитерированного, специальным образом перенесенного в лексику русского литературного языка (между тем, в языке Пушкина содержится 1380 слов западноевропейского происхождения¹²). Его смысловое место, впрочем, прагматически можно предположить между словами «аристократ», «аристократия» (Словарь языка Пушкина 2000, с. 30–31) и «властитель наших дум» (Словарь языка Пушкина 2000, с. 293–295).

Обилие речевых форм, связанных с «аристократией» (в том числе и тех, которые не существуют в современном русском языке, – «аристократичествовать», «аристократия»), в пушкинском языке образуют некоторое функционально-семантическое единство с довольно сильной иронической доминантой:

«Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!»¹³

Или: «Я всегда бы склонен аристократичествовать, а с тех пор как пошел мор на Пушкиных, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную, лавку № 1 запираю»¹⁴.

Пушкинское понимание собственной аристократичности как обладания лучшим или причастности к чему-то лучшему, отборному или избранному, прежде всего самоиронично, рефлексивно-свободно – не сводимо к внешней (родовой) избранности, или некоей даровитости, достаточной для аристократического самопонимания или, тем более, самовосхваления. Подобным образом осмысливается и понятие власти: аристократична власть избравших свободу – сакральный, абсолютный момент жизненной правды «властителей дум», таких, как Дж. Байрон

«Другой от нас умчался гений,
Другой *властитель наших дум.*

Исчез, *оплаканный свободой,*
Оставя миру свой венец.
Шуми, *взволнуйся непогодой:*

¹² По подсчетам Е. В. Макеевой (Макеева 2009, с. 10).

¹³ Пушкин, А. С. Моя родословная // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. Т. 2. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1959. С. 330. Стихотворение – ответная реплика на обвинения Пушкина в аристократизме со стороны Ф. Ф. Булгарина и Н. Н. Полевого. Эпиграфом к первому перебежному тексту «Моей родословной» стали строки Беранже: «Я простолюдин...»: Je suis vilain et très vilain, / Je suis vilain, vilain, vilain, vilain. – См.: (Цявловская 1959).

¹⁴ Пушкин А. С. Письмо П. А. Вяземскому. Начало июля 1825 г. Из Михайловского в Царское село // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. URL: https://gvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1825/1321_138.htm (дата обращения: 30.12.2019)

Он был, о море, твой певец

... Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран»¹⁵.

Вряд ли есть достаточные основания для политически-партийного или «классового» понимания аристократизма свободы у Пушкина; контекстуально здесь речь идет именно об «элитности» (пусть и не названной, не похищенной как слово естественного французского языка) – причастности свободы, осознаваемой поэтически, к некоторой полноте пушкинского исторического самосознания, в котором есть познавательная порывистость, но нет пустых абстракций или философско-политической мечтательности, противостояния «массам» и т.п.¹⁶. Применительно к языку Пушкина «элита» как и «масса» могли бы стать риторическими фигурами, своего рода эвфемизмами, иносказаниями того, что называлось с большей исторической конкретностью, в духе уходящего прозаического, сословного в большей части своей истории и рационального XVIII века – «аристократией», или «народом», «чернью» и т.д.¹⁷ Изнутри же того прозаического столетия «элита» и «масса» вполне могли бы показаться и «поэтическими фикциями»¹⁸.

Речевые формы властвования у Пушкина имеют, как правило, обязующие метафорические смыслы – так или иначе связывающие понятие власти с понятием свободы – в нравственно-социальной идентичности, порою героическом одиночестве «властелина» («О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы?»); «Под буркою казак,

¹⁵ Пушкин А. С. К морю // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1824/0346.htm (дата обращения - 30.12.2019) (курсив мой. – П. О.) Байрон умер в апреле 1824 г., примерно в то же время, исторически мгновенно, Пушкин написал «К морю».

¹⁶ М. П. Алексеев исследовал пример черновых, искренних пушкинских размышлений о «вечном мире», в котором исповедально-свободные политические суждения Ж.-Ж. Руссо и фаталистический пессимизм Ж. де Местра умягаются пушкинским социально-политическим здравомыслием (Алексеев 1984, с. 174–220). Ср. также с подробным анализом пушкинского понимания народного самосознания (не «массового») (Алексеев 1984, с. 221–252).

¹⁷ В обстоятельном исследовании «массы» как исторически парного «элите» понятия К.Ф. Вернер, Ф. Гцницер, Р. Козеллек и Б. Шёнеман указывают на его поэтический исток: еще в 1789 году это слово семантически принадлежит физике; словом социального, в том числе исторического, понимания, «модерным понятием» оно становится благодаря усилиям И.-В. Гёте и особенно Фр. Шиллера (Словарь исторических понятий 2014, с. 569–602) и др.

¹⁸ Ср.: «Фикция есть поэзия прозы, вполне соответствующая прозаической натуре восемнадцатого века» (Маркс 1955, с. 86).

Кавказа властелин»; «Сатиры смелый властелин, / Блистал Фонвизин, / Друг свободы»; «Венеры набожный поклонник, / И наслаждений властелин»; «полудержавный властелин»; «властелин враждебный»; «властелин добронравный» и т.д. (Словарь языка Пушкина 2000, с. 293)). Слово «властитель» содержит в себе близкие, но не всегда совпадающие с «властелином» ограничивающие признаки деятельного и пристрастного, часто неподрасточно-эротического или вдохновенно-религиозного, хотя и не всегда успешного отношения к власти тех, кто может скрывать за видимостью победы свою историческую неудачу. Пушкинский язык, помимо «властителя дум», содержит еще «властителей желанья», «властителей сердец», «земных властителей», которых «ничто не украшает, / Как милосердие. Оно их возвышает»; заслуживают сожаления российский «властитель слабый и лукавый, / Плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой» и французский «властитель осужденный, / Могучий баловень побед»; воплощение политической страсти – Борис Годунов – у Пушкина зовет поклониться гробам «почиющих властителей России» (Словарь языка Пушкина 2000, с. 293).

Язык пушкинских исторических произведений, как и его поэзия, был языком, стремившимся к уточнению жизненной полноты исторической индивидуальности аристократии на деле, поэтико-прозаически или драматически – Бориса ли Годунова, Емельяна Пугачева. Не онтологическая театральная метафора «роль личности в истории» служит Пушкину некоторым ценностно-смысловым ориентиром его исторических занятий – свободная предназначенность и нравственная осуществимость индивидуального – возможность представить индивидуальность в некотором событийном напряжении «драматической формы», свободно-аристократическом избранничестве по отношению к народу. В этом нет особой философской новинки, как, впрочем, это и не является жесткой эпистемологической структурой пушкинского исторического понимания. Такова одна из смысловых, «силовых» линий критически ориентированной философии истории, метафизически осторожной, которая сложно конфигурирована в исканиях и познавательных постановках Д. Юма, Им. Канта, И.-Г. Гердера, а потом и Г. В. Ф. Гегеля, и многих других¹⁹. Не менее метафизически осторожен и ближайший историографический другой Пушкина, Н. М. Карамзин, изучение которого (наряду с Шекспиром) «дало... мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории... Карамзину следовал я в

¹⁹ В исследовании К. Ф. Вернера, Ф. Гцницера, Р. Козеллека и Б. Шёнемана содержится наблюдение о том, как у И.-Г. Гердера через понятие индивидуальности переопределяется понятие массы (Словарь исторических понятий 2014, с. 519 и др.).

*светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени»*²⁰.

Н. М. Карамзиным, труды которого – пробный камень русской исторической речи, вполне обстоятельно освоена мысль об исторически целостном и принципиально неодиноким человеке, избираемом или избранном, неназванно-«элитном», раскрывающемся в полноте своей нравственной, свободной и властительной индивидуальности. Драматична и нуждается в целом ряде специальных ситуативных исследований репутация Н. М. Карамзина в русской историографии XIX века – как крупнейшего официального историографа власти, как будто «придворного» творца большого нарратива государственной истории России, и вместе с тем, историка непозитивистского, глубоко онтологического склада. В исторических эволюциях этой репутации, высоких оценках и бойкотах исторического наследия Н. М. Карамзина часто сходились и конфликтовали политические смыслы исторического самосознания XIX века – как внутри научно-исторического сообщества России, так и в истории его внешних восприятий²¹. Бесспорно, между тем, что именно благодаря Карамзину Клио западных (в немалой степени французских) историографов, не теряя ключевой критической ответственности (Рудковская 1999; Рудковская 2004), переоблачилась в русские речевые одежды и способствовало «пробуждению общества от нравственной апатии» (Григорьев 1980, с. 182)²². Исследование речевых начал мышления Карамзина далеко от завершения (Рудковская 2010а; Рудковская 2010b; Рудковская 2013а; Рудковская 2013b; Кафанова 2012; Ольхов 2009), но уже сейчас с уверенностью можно сказать, что его масштабные сочинения в их этико-речевой, онтологической обращенности принципиальным образом выходили за границы позитивистски обезличивающего, «таксидермического» (Бенн 2011, с. 65 и др.) понимания истории.

Ф. И. Тютчев в юбилейной поэтической характеристике открытого речевого целого историографии Н. М. Карамзина, спустя 40 лет после смерти историка (в 1866 г.), писал о «целомудренно-свободном

²⁰ Пушкин А. С. Статьи и заметки 1824–1836 гг. Незавершенное // Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1014.htm> (дата обращения: 21.02.2020). Курсив мой. – П.О.

²¹ Характерным образом К. Маркс в своих трудах (политической публицистике) четырежды вспоминает Карамзина, и все четыре раза приводит одно и то же карамзинское высказывание из первой главы IX тома «Истории государства Российского»: «в нашей внешней политике ничего не меняется» – как некоторое историографическое удостоверение устойчиво агрессивной, анти-европейской специфики русского самодержавия (Маркс 1958, с. 94; Маркс 1959а, с. 510; Маркс 1959b, с. 184; Маркс 1960, с. 206).

²² О том, насколько широким было доверие к нравственно содержательному Карамзину, тексты которого сравнивались с Иларионовым «О законе, Моисеем данным, и о благодати и об истине», см.: (Флоровский 1991, с. 8, 117 и др.).

духе» его мышления; пушкинскому указанию на «светлое» и «драматическое» Карамзина у Тютчева соответствует карамзинская нравственная готовность к невозможному, к риторичности, оксюморонной стилистике исторического мышления, которое претендует на понимание и жизненную фактичность, но отнюдь не на метафизическую завершенность или безупречную философскую защиту своих суждений.

«Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой -
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший все *совокупить*
В ненарушимом, полном строе,
Все *человечески-благое,*
И русским чувством закрепить,-

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным Росши...»²³

Пушкину и Карамзину, для того, чтобы мыслить в меру принимаемых ими установок, вероятно, не хватило бы речевой оси «элита» – «масса», при всей ее поэтико-семантической условности или нравственной деликатности. У обоих, с разным усилением и в разных формах эта ось, как представляется, пересеклась с осью «господин – товарищ»²⁴; нравственно-политический аристократизм, являясь доминантой исторического понимания, здесь связывается в некоторое целое совместной историчности людей, «человечески-благое» царей с «верностью» подданных, по отношению к которым историк занимает «дружественную», диалогическую позицию (Переписка Карамзина... 1984; Бестужев-Рюмин 1895; Бахтин 1996, с. 211).

²³ (Тютчев 1987), курсив мой. – П.О. См. об этом подробнее, например, (Рудковская 2006; Рудковская 2012; Ольхов 2016; Olkhov 2017) и др.

²⁴ Оппозиция «Herrschaft – Genossenschaft», которую предпочли сторонники исторической школы права в германской историографии XIX века, стремившейся мыслить в «типичных» для германского мышления «категориях товарищества», то есть с некоторой этнологической ограниченностью, что стало предметом иронии со стороны К. Маркса и других. См.: (Словарь основных... 2014, с. 503 и след.).

На другом, противокарамзинском, историографическом методологическом полюсе «долгого» XIX столетия российской исторической науки, завершившегося в основном в 20-е годы XX века, – энциклопедическая «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского, с экзистенциальной и систематической тщательностью проблематизировавшего смысловое единство и незавершимость индивидуального в истории.

В опыте отечественной исторической науки эта работа – шедевр, единственный в своем роде. Однако нет ничего более герменевтически неточного, неисторичного, нежели отнесение самого А. С. Лаппо-Данилевского к интеллектуальной элите. В самом начале своего познавательного пути он ориентирован на разрешение познавательной дилеммы целостной, «вселенской» истории и исторического человека, «ничтожной» частицы этой истории²⁵. Со временем эта дилемма становится своего рода экзистенциальным паролем, *profession de foi* историка. С этим связаны немногочисленные эксцессы высокомерия по отношению к Н. М. Карамзину (в его «Методологии истории» нет ни одного упоминания этого «отца» русской историографии) или К. Н. Бестужеву-Рюмину, своему как будто «устаревшему» учителю²⁶. Этой дилеммой проникнута и вся драматическая история обстоятельного, конкретного и незаконченного методологического проекта историка, внимательного к Канту и Гегелю – в последние свои дни на больничной койке читавшего «Феноменологию духа»²⁷.... Его влечет и нисколько не устраивает органический холизм герменевтической традиции в западном или, тем более, отечественном историческом самосознании (см.: Ольхов 2011b). Предпочтение отдается поиску неделимых мотивирующих смыслов исторического действия, «идей» русской культуры, государственности и т. п., рядом с которыми было бы неуместным весьма пластичное, семантически текучее, концептуальное, изменчивое понятие *l'élite*. Для принятия этого естественным образом полисемантического понятия – не в простом, указующем на некую избранность, а в каком-то особом онтологическом качестве, – от историка потребовался бы синкретический тип познавательной установки на некое общее единство условий исторических действий

²⁵ Признание А. С. Лаппо-Данилевского своему дневнику, «зеленой книжке»: «Человек, в противопоставлении со Вселенной, такое ничтожество в пространстве, о котором и говорить нечего, и думать не стоит. Но если он будет рассматривать себя как атом, как частицу, хотя бы малейшую частицу мирового знания, как шорох, незначительный звук в гармонии Вселенной, словом, если мы взглянем на себя, как на участников в мировой жизни, не человеческой только, но именно мировой, – тогда получим значение и станем на свое место». – Цит. по.: (Гревс 1920, с. 64-65).

²⁶ См., например, «...он все же старик, и мы довольно разных мировоззрений» (Ростовцев 2004, с. 60).

²⁷ «Никогда не было времени внимательно проштудировать ее...» (Малинов, Погодин 2001, с. 57).

социальных групп; такая когнитивная вера невозможна ни на множественных познавательных перепутьях, ни, специально, в гегелевских контекстах его познавательных настроений, – нигде во всем его рационалистичном, экзистенциально тревожном и энциклопедически выверенном индивидуализме.

Вчитываясь в стилистически яркий, «шокировавший Шиллера и Гёте» (Шпет 1999, с. 440) язык Гегеля, Лаппо-Данилевский распознавал историю как «свободное наличное бытие» самосознания, стремящегося к своему истинностному пределу. Методологическая «Голгофа» историка – стремление представить познавательную достоверность неделимого исторического факта, или «идеи» истории, прошлого бытия, *Gewesensein*, к которой историк все же познавательно причастен в своем *Dasein*, наличном бытии; «прекрасная индивидуальность» истории сопряжена с «несчастливым сознанием» историка, историчность которого не может затмить, но в каком-то познавательном пределе опознает негативность, замыкание на себя категориального полагания открытого целого истории²⁸; «каждый всегда всецело участвует во всяком действии, и то, что выступает как действие целого, есть непосредственное и сознательное действие *каждого*» (Гегель 1999, с. 315). Экзистенциально, у Лаппо-Данилевского всё та же историография свободы, нравственно-отчетливого, «элитного» исторического самосознания, что и у Карамзина, но узнавшая «ужас» полагания всеобщей свободы самосознания, когда «нераздельная субстанция абсолютной свободы возводится на мировой престол и никакая сила не в состоянии оказать ей сопротивления» – «когда предмет становится понятием, в нем не остается ничего устойчивого; все его моменты проникнуты негативностью» (Гегель 1999, с. 315), отрицанием какого бы то ни было права исторического самосознания на элитность.

Категория элиты – историчная, несомненная часть российского познавательного опыта пока что «короткого» XXI века. В России XIX столетия, «гордого своим историзмом» (В. П. Бузескуа), элитологии как дисциплинарной практике нет места, однако тогда довольно отчетливо дает себя знать элитологическое познавательное настроение, некоторый доминантный онтологический настрой речевого исторического мышления. Насколько поучительно это теперь: является ли тот опыт уроком для нас, указывает ли он на некоторое возможное будущее отечественной исторической мысли XXI века? Имеем ли мы дело с новейшей российской иронией западного исторического самосознания

²⁸ У Гегеля: «всеобщее» только «соответствует рассудку»; «Как целое предмет есть заключение или движение всеобщего через определение к единичности, как и обратное движение – от единичности через нее как снятую единичность и или определение ко всеобщему» (Гегель 1999, с. 423).

тоже ушедшего XX века – «эксцессом новичка»²⁹, пытающегося сказать новое на чужом, спорном языке? Для меня это открытие, отнюдь не риторические вопросы, которые нуждаются в пространстве некоего «совместного мышления» (Г. Г. Шпет) – целостного понимания тех оснований исторического знания, которые неотделимы от речевой полноты историографического опыта и нуждаются (возражу напоследок Х. Уайту) не столько в философской защите или прояснении своей автономной стилистики, сколько в стилистической грамматике, диалогической эпистемологии истории. В российском историческом самосознании совершается новый «герменевтический процесс собирания мира в слово и в общее сознание» (Гадамер 1991, с. 14-15). Прогнозы о будущих категориальных горизонтах этого процесса, следует, вероятно, расценить как герменевтическую наивность, однако от участия в этом процессе нельзя уйти – нельзя остаться в стороне от коммуникативно открытой познавательной ситуации «познания познанного» (А. Бек).

Библиография

Адорно, Т., С. Московичи. 2019. *Падение политики. «Вождь масс»*. М.: Алгоритм.

Алексеев, М. П. 1984. *Пушкин: Сравнительно-исторические исследования*. Л.: Наука.

Алексеев, С. В. 2012. Механизмы складывания элит: архаическое и традиционное общество. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 73–80. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Алёшкин, П. Ф. Красный командарм В. Шорин и крестьянский вождь А. Антонов: как воля судьбы разделила элиту русского народа «внутренним фронтом» крестьянской войны и объединила общей трагической участью. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 180–188. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Анкерсмит, Ф. Р. 2003. *Нарративная логика. Семантический анализ языка историков* / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс.

Ашин, Г. К. 2003. *Курс истории элитологии*. М.: МГИМО(У).

²⁹ «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» (Маркс 1957, с. 119). «...Новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной» (Маркс 1957, с. 120).

Ашин, Г. К. 1985. *Современные теории элиты: критический очерк*. М.: Международные отношения.

Ашин, Г. К. 2010. *Элиология: история, теория, современность*. М.: МГИМО – Университет.

Ашин, Г. К., А. В. Понеделков, А. М. Старостин, С. А. Кислицын. 2013. *Основы политической элиологии*. М.: Книжный дом «Либроком».

Бахтин, М. М. 1996. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров». Диалог I. Проблема диалогической речи. В кн. Бахтин М. М. *Собр. соч.* Т. 5, с. 209–218. М.: «Русские словари».

Бенн, С. 2011. *Одежды Клио*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация».

Бестужев-Рюмин, К. Н. 1895. *Николай Михайлович Карамзин. Очерк жизни и деятельности*. СПб.: Типография Главного Управления Уделов.

Бикбов, А. 2014. *Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Буренко, В. И. 2010. Инструментальное измерение политической элиты. «Знание. Понимание. Умение» 6 [Online] URL: <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/Burenko/> (дата обращения 20.02.2020).

Бусыгина, И. М., А. А. Захаров. 2009. *Общественно-политический лексикон*. М.: МГИМО – Университет.

Бусыгина, И., А. Захаров. 2006. *Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон*. М.: Московская школа политических исследований.

Васильев, Ю. А. 2012. Место А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальной элите России. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 5–10. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Володихин, Д. М. 2012. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский как представитель военно-политической элиты Московского государства. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 80–84. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Властные структуры и группы доминирования: Мат-лы десятого Всеросс. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012.

Гадамер, Г.-Г. 1991. Философия и герменевтика. В кн. Гадамер Г.-Г. *Актуальность прекрасного*, с. 9–15. М.: «Искусство».

Гаман-Голутвина, О. В. 2000. Определение основных понятий элиологии. *Полис* 4, с. 97–103.

Гаман-Голутвина, О. В. 2006. *Политические элиты России: вехи исторической эволюции*. М.: РОССПЭН.

Гегель, Г. В. Ф. 1999. *Система наук. Часть первая. Феноменология духа* / пер. Г. Шпета. СПб.: «Наука».

Гидденс, Э., Ф. Саттон. 2018. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Гревс, И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души). *Русский исторический журнал*. 1920. Кн. 6, с. 44–81.

Григорьев, А. А. 1980. Народность и литература. В кн. Аполлон Григорьев. *Эстетика и критика* / вступ. ст., сост. и примеч. А. И. Журавлевой, с. 169–199. М.: Искусство.

Григорьев, Л. М. 2009. Интересы и проблемы во время мирового кризиса: ответственность элит, понимание среднего класса и терпение бедняков. В кн. *Экономика переходных процессов*. Т. 2, с. 254–306. М.: МУМ.

Гудков, Л. Д., Б. В. Дубин, Ю. А. Левада. 2007. *Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования*. М.: Фонд «Либеральная миссия».

Данто, А. 2002. *Аналитическая философия истории* / пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. М.: Идея-Пресс.

Евдокимов, А. В. 2014. Историческая элитология: определение, структура, перспективы развития. *Гуманитарные научные исследования* 12. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/12/8339> (дата обращения: 27.03.2019).

Евдокимова, Т. В. 2011. Элита в исследованиях германских историков. *Каспийский регион: политика, экономика, культура* 2 (27), с. 243–248.

Жукова, О. Г. 2012. Становление новых советских элит в годы Великой Отечественной войны. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 245–254. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Карабущенко, Н. Б. 2012. Элитоориентированное мировоззрение личности: сущность, функции, особенности формирования. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 129–135. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Карабущенко, П. Л. 1999. *Антропологическая элитология*. М.; Астрахань: АстрФ МОСУ (АСИ).

Карабущенко, П. Л. 2006. Введение в элитологию истории. *Вестник Астраханского государственного технического университета* 5 (34), с. 34–44.

Карабущенко, П. Л. 2012. Историческая элитология: о дефиците элитности в элитах. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 136–144. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Карабущенко, П. Л. 2011. Историческая элитология о роли и месте элит в истории. *Каспийский регион: политика, экономика, культура* 2 (27), с. 234–243.

Карабущенко, П. Л. 2008. *Элитология мифа*. Астрахань: Астраханский ун-т.

Карабущенко, П. А. 2020. *Элитология Платона (античные аспекты философии избранности)*. М.: НИЦ ИНФРА-М.

Кафанова, О. Б. 2012. Французский дискурс в структуре журналов Н.М. Карамзина. *Revue des Études slaves*, Т. LXXXIII. No. 2-3, p. 793-811.

Королёв, А. А. 2012. «Новые кочевники» и российская предпринимательско-управленческая элита. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 10–23. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Криворученко, В. К. 2012. Элита: к вопросу о понятии. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 23–50. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Крыштановская, О. В. 2005. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров.

Крыштановская, О. В. 1995. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. *Общественные науки и современность* 9, с. 51–65.

Кургинян, С. Е. 1992. Антиэлита. В кн. *Седьмой сценарий*. Т. 3, с. 24–45. М.: ЭТЦ.

Кургинян, С. Е. 2008. *Качели. Конфликт элит или развал России?* М.: МОФ ЭТЦ.

Лэш, К. 2002. *Восстание элит и предательство демократии* / пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович, О. Никифорова. М.: Логос; Прогресс.

Магомедов, А. К. 1994. Политический ритуал и мифы региональных элит. *Свободная мысль* 11: 108–114.

Макеева, Е. В. 2009. *Заемствованная лексика западноевропейского происхождения в языке А. С. Пушкина*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород.

Малинов, А. В., С. Н. Погодин. 2001. *Александр Лаппо-Данилевский – историк и философ*. СПб.: «Искусство–СПБ».

Маркс К. 1957. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В кн. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч. 2-е изд. Т. 8*, с. 115–217. М.: Гос. изд-во полит. литературы.

Маркс, К. 1959а. «Господин Фогт». В кн. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч. 2-е изд. Т. 14*, с. 359–691. М.: Гос. изд-во полит. литературы.

Маркс, К. 1958. Парламентские дебаты 22 февраля. – Депеша Поцца-Ди-Борго. – Политика западных держав. В кн. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч. 2-е изд. Т. 10*, с. 91–99. М.: Гос. изд-во полит. литературы.

Маркс, К. 1960. Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года. В кн. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч. 2-е изд. Т. 15*, с. 183–186. М.: Гос. изд-во полит. литературы.

Маркс, К. 1959б. Россия использует Австрию. – Варшавский конгресс. В кн. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч. 2-е изд. Т. 15*, с. 183–186. М.: Гос. изд-во полит. литературы.

Маркс, К. 1955. Философский манифест исторической школы права. В кн. Маркс, К., Ф. Энгельс. 1955. *Собр. соч. 2-е изд. Т. 1*, с. 85–92. М.: Гос. изд-во полит. литературы.

Мегилл, А. 2010. Старый вопрос, поставленный вновь: существует ли моральный прогресс в истории? В кн. *«Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения* / отв. ред. Н. В. Мотрошилова, с. 650–661. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация»,.

Миалс, Ч. Р. 1959. *Властвующая элита* / пер. с англ. Е. И. Розенталь и др.; предисл. В. Е. Мотылева. М.: Изд-во иностранной литературы.

Миалс, Ч. Р. 2001. *Социологическое воображение* / пер. с англ. О. А. Оберемко; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М.: Изд. Дом NOTA BENE.

Московичи, С. 2011. *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. М.: Академический проект.

Мясников, О. Г. 1993. Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка? *Полис Политические исследования* 1, с. 52.

Ольхов, П. А. 2011а. *Диалог и история: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX–XXI вв.* М.: Научная книга.

Ольхов, П. А. 2009. Здравый смысл и история (заметки к полемической эпитафии Н. Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина»). *Вопросы философии* 5, с. 125–132.

Ольхов, П. А. 2016. Пострижение в историки: эпистемологическая аскеза Н. М. Карамзина. *Вопросы философии* 12, с. 129–133.

Ольхов, П. А. 2011б. Проблема «чужого Я» в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского (кантианские мотивы). *Кантовский сборник* 3 (37), с. 59–66.

Панарина, А. С. 2006. *Народ без элиты*. М.: Алгоритм; ЭКСМО.

Переписка Карамзина с Лафатером. 1786–1790 (подготовка текста Ю. М. Лотмана). В кн.: Карамзин, Н. М. *Письма русского путешественника* / изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский, с. 464–498. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984.

Пляйс, Я. А. 2010. Новый проект реконструкции властной элиты в России: содержание и перспективы реализации. В кн. *Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия*: сб. ст. / под ред. Я. А. Пляйса, с. 87–112. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Понеделков, А. В., А. М. Старостин, В. Д. Лысенко и др. 2012. *Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ)*. Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС.

Понеделков, А. В., А. М. Старостин, Л. Г. Шведа. 2013. Современная элитология: когнитивный дискурс. *Гуманитарий Юга России* 4, с. 33–47.

Поршнева, Б. Ф. 2013. *О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии*. М.: Трикта: Академический Проект.

Поршнева, Б. Ф. 1979. *Социальная психология и история*. 2-е изд., доп. и испр. М.: Наука.

Пугачев, В. П. 1991. *Субъекты политики: личность, элиты, лидерство*. М.: О-во «Знание» РСФСР.

Ростовцев, Е. А. 2004. *А. С. Лапко-Данилевский и петербургская историческая школа*. Рязань: НРИИ.

Рудковская, И. Е. 1999. Идеи И. Канта в историческом творчестве Н. М. Карамзина. В кн. *Историческая наука на рубеже веков: Мат-лы Всерос. конф., посвященной 120-летию Томского гос. университета* / отв. ред. Б. Г. Могиляницкий, с. 73-79. Томск: Томский гос. университет.

Рудковская, И. Е. 2010а. «История Государства Российского» Н.М. Карамзина среди трудов позднего просвещения: общее и особенное в конструировании текстов. В кн. *Проблемы методологии и историографии всеобщей истории* / отв. ред. Зайцева Т. И., Мухин О. Н., с. 80-96. Томск: Изд-во Томск. гос. педагогич. ун-та.

Рудковская, И. Е. 2013а. Макроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина: от перманентного эксперимента к коммуникативному прорыву. *Диалог со временем* 42, с. 158-179.

Рудковская, И. Е. 2013б. Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения. *Диалог со временем* 43, с. 90-114.

Рудковская, И. Е. 2004. Н. М. Карамзин и англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. *Вестник Томского государственного университета* 281, с. 142-148.

Рудковская, И. Е. 2006. Проблемы становления личности правителя в отечественной историко-философской традиции (Н.М. Карамзин). *Вестник Томского государственного педагогического университета* 12 (63), с. 88-94.

Рудковская, И. Е. 2012. Пространство государства как политический и религиозный миры в интерпретации Э. Гиббона и Н. М. Карамзина. *Вестник Томского государственного университета* 364, с. 72-79.

Рудковская, И. Е. 2010б. Терминологические предпочтения историографов позднего Просвещения (от Д. Юма до Н. М. Карамзина). *Вестник Томского государственного педагогического университета* 5 (95), с. 92-99.

Ручкин, А. Б. 2012. Элита русского зарубежья: Русское дворянское собрание в Америке. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 117-129. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Ручкин, Б. А. 2012. «Комсомольская элита» и становление бизнес-класса в России. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 50-65. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Скиннер, К. 2018. Истоки современной политической мысли / пер. с англ. А. А. Олейникова; под науч. ред. В. В. Софронова. Т 1, 2. М.: Дело.

Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2-х т. Т. 2 / Пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. Т. 1. М.: Азбуковник, 2000.

Старостин, А. М. 2013. Философия элитологии: новое направление философских исследований. *Государственная служба* 4 (84), с. 43–46.

Старостин, А. М., Л. Г. Швец. 2012. Факторы релевантности в современных элитологических исследованиях. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС* 1, с. 117–123.

Талина, Г. В. 2012. Ближняя дума царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича и «новая» элита Московской Руси. В кн. *Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты*. Вып. 2. Сб. науч. статей, с. 65–73. М.: Изд-во Национального института бизнеса.

Тютчев, Ф. И. 1987. На юбилей Н. М. Карамзина. В кн. *Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений*, с. 229–230. Л.: Советский писатель.

Уайт, Х. 2002. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.* / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.

Флоровский, Г. В. 1991. *Пути русского богословия*. 3 изд. (репринт). Вильнюс.

Хархордин, О. 2011. *Основные понятия российской политики*. М.: Новое литературное обозрение.

Цявловская, Т. Г. 1959. Примечания к «Моей родословной». В кн. Пушкин А. С. *Собр. соч. в 10 т.* / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. Т. 2, с. 727–728. М.: Гос. изд-во художественной литературы.

Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2012.

Шпет, Г. Г. 1999. От переводчика. В кн. Гегель Г.В.Ф. *Система наук. Часть первая. Феноменология духа* / пер. Г. Шпета, с. 439–441. СПб.: «Наука».

Элитология: энциклопедический словарь / редсовет: Р. Г. Резаков (отв. ред.) и др. М.: Экон-информ, 2013.

Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. / под ред. В. Г. Игнатова, А. В. Понеделкова, С. С. Змияка, И. Н. Сидоренко. Вып. I, II. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС. 2007.

Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011.

Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX–XX веков: От личности к традиции. Колл. монография / под ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.

La Capra, D. 1998. *History and Memory after Auschwitz*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Olkhov, P. 2017. "History as an Open Whole: The Metaphysics of Tone in Nikolai M. Karamsin". *Russian Studies in Philosophy*, 55 (6): 1–12.

Shakespeare, W. 1996. "Hamlet, Prince of Denmark". *The Illustrated Stratford Shakespeare*: 799–831.

The Ethics of History / ed. by David Carr, Thomas R. Flynn, Rudolf A. Makkreel. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2004.

Об авторе

Павел Анатольевич Ольхов – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета.

About the author

Pavel Olkhov, Doctor of Science (Philosophy), is Professor in the Department of Philosophy and Theology of the Institute of Social Sciences and Mass Communications at Belgorod National Research University.

Received May 11, 2020

Accepted May 30, 2020

Published November 29, 2020